

Громогласов И. М. О сущности и причинах русского раскола так называемого старообрядства: [Пробная лекция] // Богословский вестник 1895. Т. 2. № 5. С. 235–268 (2-я пагин.). (Окончание.)

О сущности и причинах русского раскола так называемого старообрядства *)

XVII вѣкъ представляетъ одну изъ самыхъ интересныхъ и многознаменательныхъ эпохъ въ исторіи русскаго самосознанія. Это была—можно сказать—эпоха историческаго *перелома*, безъ сомнѣнія—благодѣтельнаго для дальнѣйшаго развитія русской жизни, но, къ сожалѣнію, слишкомъ рѣзкаго въ нѣкоторыхъ сторонахъ и потому сопровождавшагося болѣзненными явленіями въ жизни народнаго организма. Къ числу такихъ болѣзненныхъ явленій нужно отнести и расколъ старообрядства, который возникъ изъ борьбы двухъ противоположныхъ направленій русской мысли и жизни, какъ результатъ начавшейся въ XVII в. слишкомъ крутой и не совсѣмъ осторожной ломки старорусскихъ идеаловъ, старорусскаго церковнаго уклада и передѣлки послѣдняго на иноземный ладъ.—Нижеслѣдующія замѣчанія имѣютъ цѣлью разъяснить, о какихъ противоположныхъ направленіяхъ русской мысли и жизни идетъ у насъ рѣчь и какимъ образомъ изъ столкновенія этихъ направленій могъ возникнуть старообрядческій расколъ.

Политическіе успѣхи Москвы въ борьбѣ съ татарами и собирательная политика московскихъ князей, превращавшаяся, благодаря той же борьбѣ, изъ династической въ народную, имѣли своимъ послѣдствіемъ то, что къ концу XV и началу XVI в. исчезла независимость отдѣльныхъ сѣверно-русскихъ земель и княжествъ, и на мѣсто ряда самостоятельныхъ политическихъ единицъ сложилось и выросло

---

*) Окончаніе; см. Апрель.

единое Московское государство. Ходъ историческихъ событій выводилъ объединенную Русь изъ ея прежней самозамкнутости, изъ круга своихъ домашнихъ, междукняжескихъ интересовъ на путь международныхъ сношеній съ Западомъ, ставилъ въ непосредственныя, болѣе живыя и тѣсныя, чѣмъ прежде, отношенія къ ея политическимъ сосѣдямъ. Столкновеніе съ чужеземнымъ укладомъ жизни, отмѣченнымъ болѣе высокою степенью культурности, невольно должно было наводить русскаго человѣка на сопоставленіе своего съ чужеземнымъ, а за сопоставленіемъ такъ же неизбежно должна была послѣдовать рано или поздно критика своего и (во многихъ случаяхъ) предпочтеніе своему чужого, западно-европейскаго. Какъ ни сильно было на Руси воспитанное греками нерасположеніе ко всему „латынскому“ (о чемъ у насъ будетъ рѣчь ниже), тѣмъ не менѣе преимущества западно-европейской жизни во многихъ отношеніяхъ были такъ несомнѣнны, а потребности, возбужденныя у русскаго народа знакомствомъ съ этою жизнію, заявляли себя такъ настойчиво, что у самого русскаго правительства возникаетъ желаніе сблизиться съ чужеземцами и поучиться у нихъ тому, чего не доставало намъ, исправить недочеты своей жизни по ихъ образцу. И вотъ, начиная со времени княженія Ивана III, постепенно возрастая и получая все болѣе широкіе размѣры, идутъ попытки установить правильныя сношенія съ Западомъ и пересадить на русскую почву нѣкоторые плоды западной культуры. „Окно въ Европу“, и при томъ довольно большое, было прорублено еще задолго до Петра В., при которомъ Русь широко и гостеприимно распахнула ужъ всѣ двери иностранцамъ,—и хлынуло въ эти двери, на ряду съ хорошимъ и полезнымъ, многое излишнее — нехорошее, бесполезное и ненужное...

Въ то время, на которомъ теперь сосредоточено наше вниманіе (т. е. около половины XVII в.), преобразовательныя стремленія еще не заходили такъ далеко, какъ это стало при Петрѣ. Однако сблизеніе съ Западомъ и знакомство съ западною культурою обнаружилось уже довольно ясно заимствованіемъ отсюда многихъ бытовыхъ подробностей, незнакомыхъ древне-русской жизни. Въ большомъ количествѣ являются на Руси иностранныя „мастера“ раз-

ныхъ специальностей и даютъ возможность желающимъ устроить внѣшнюю обстановку жизни на иноземный ладъ; русскіе бояре охотно перенимаютъ „иноземскіе извѣчаи“, и самъ благочестивѣйшій царь Алексѣй Михайловичъ не прочь по временамъ въ своемъ собственномъ дворцѣ по-смотреть на театральныя зрѣлища, устрояемыя иностранными мастерами „комедійнаго дѣла“¹⁾...

Наиболѣе важною и свѣтлою стороною этого стремленія къ сближенію съ Западомъ было, конечно, пробужденіе интереса къ его умственной жизни, къ западно-европейской наукѣ. Въ XVI вѣкѣ русское правительство уже посылаетъ по временамъ молодыхъ людей за границу для полученія образованія, а относительно царя Бориса сохранилось извѣстіе, что онъ хотѣлъ даже основать на Москвѣ университетъ по образцу западно-европейскихъ²⁾. Мысль Бориса не была выполнена, а русскіе люди, попадавшіе за границу, обыкновенно не возвращались на родину: говорятъ, одни изъ нихъ спивались, попавши на чужбину и ошеломленные блескомъ западно-европейской жизни, а другіе, получивши образованіе на Западѣ, уже не хотѣли возвращаться въ свою малокультурную отчизну. Не смотря на эти неудачи, русское правительство не оставляло мысли о перенесеніи къ намъ плодовъ западно-европейской науки, если не чрезъ посредство русскихъ людей, получающихъ образованіе за границей, то при посредствѣ иностранцевъ, приходящихъ на Русь и принимаемыхъ на русскую службу. На ряду съ другими иноземными „мастерами“ оно приглашаетъ изъ-за границы ученыхъ людей (въ особенности врачей и звѣздочетовъ³⁾),—и русскій государь какъ будто об-

¹⁾ *Соловьевъ С. М.* Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, т. XI,—по послѣдн. изд. (т-ва „Обществ. Польза“) кн. 3, ст. 197—198; XIII,—кн. 3, ст. 758—760. Нѣкоторыя свѣдѣнія относительно сказаннаго здѣсь можно найти также въ книгѣ г. *И. Соколова* — Отношеніе протестантизма къ Россіи въ XVI и XVII в., стр. 204—205, и у *Щапова* — Русск. раск. старообрядства, стр. 94—103.

²⁾ *Соловьевъ С.* Исторія Россіи, т. VIII,—по указ. изд. кн. 2-я, ст. 724—725; *Щаповъ*, цит. соч., стр. 98.

³⁾ Такъ, англичанинъ Елсей Бомелій былъ врачомъ и совѣтникомъ царя Ивана Грознаго; при томъ же царѣ былъ Николай Нѣмчинъ—„прелестникъ и звѣздочетъ“, котораго обличалъ въ своихъ писаніяхъ пр. Максимъ Грекъ. Особенною склонностью къ звѣздочетамъ и ихъ астрологической мудрости

наруживаетъ стремленіе окружить себя придворнымъ штатомъ ученыхъ, какъ прежде окружалъ себя шутами и карликами...

Общее просвѣтительно-преобразовательное движеніе, ясно выразившееся въ другихъ сторонахъ русской жизни, отразилось соотвѣтствующимъ образомъ и въ жизни церковно-религіозной. Препрежнее духовное образованіе, имѣвшее характеръ, правда, весьма обширной, но безпорядочной начитанности, перестаетъ удовлетворять русскихъ людей, и является мысль о необходимости правильного школьнаго ученія. Образцомъ для подражанія и источникомъ просвѣщенія и на этотъ разъ является тотъ же Западъ,—только ужъ не непосредственно, а при посредствѣ южно-русскихъ ученыхъ, которые обыкновенно получали образованіе въ западныхъ, латинскихъ школахъ и слѣд. не уступали въ этомъ отношеніи западнымъ ученымъ, но имѣли предъ ними то существенное для московской Руси преимущество, что соединяли съ ученостью православіе. Въ чистотѣ этого православія какъ духовная, такъ и свѣтская власть считала, впрочемъ, не излишнимъ точнѣе удостовѣриться въ отдѣльныхъ случаяхъ путемъ нарочитаго испытанія ¹⁾).

Вліяніе южной Руси на Русь московскую въ области церковной письменности и богослужебнаго обряда началось еще въ первыхъ годахъ XVII в. и шло сперва книжнымъ

отличался царь Алексѣй Михайловичъ, который, узнавши относительно извѣстнаго Олеарія, что онъ „гораздо наученъ и навиченъ астрологій, и географусъ, и небесному бѣгу, и землемѣрю, и инымъ многимъ надобнымъ мастерствамъ и мудростямъ“, пригласилъ его къ себѣ на службу, говоря, что ему—великому государю—такіе люди надобны. Олеарій не согласился поступить на службу къ московскому царю; но для занятія выгодной должности придворныхъ звѣздочетовъ нашлись другіе охотники. „Царю благодарный! — обличалъ Алексѣя Михайловича извѣстный расколучитель, пощъ Лазарь: како времени сего не испытуеши? Имѣеши у себя мудрыхъ философвъ, разсуждающихъ лице небеси и земли, п у звѣздъ хвосты архинонь измѣряющихъ... И ты, государь, таковыхъ честныхъ имаши, и различными брашны питаеши, и благовонными литіями напоеши и хощеши виѣшними ихъ плетухами власть свою мирну управити!“ (Матер. для ист. раск., т. I, стр. 252). Разумѣется, эти придворные звѣздочеты были не русскаго происхожденія.

¹⁾ См. Н. Θ. *Каттерева*.—Патріархъ Никонъ, какъ церковный реформаторъ, и его противники. Прав. Обзор. 1887 г., № 1, стр. 148.

путемъ, чрезъ посредство южно-русскихъ изданій ¹⁾. Но около половины XVII в., вмѣстѣ съ усиленіемъ правительственныхъ заботъ о книжной справѣ, возникаетъ мысль о необходимости заведенія въ Москвѣ школъ на подобіе южно-русскихъ, — и результатомъ этого было приглашеніе изъ Кіова ученыхъ старцевъ для наученія русскихъ людей и для участія въ дѣлѣ книжнаго исправленія.

Появленіе на Москвѣ южно-русскихъ ученыхъ было весьма важнымъ событіемъ въ исторіи того церковно-преобразовательнаго движенія, которое обнаружилось въ московской Руси XVII в. и такъ тѣсно связано съ возникновеніемъ раскола. Люди совершенно новые и посторонніе, никакими личными симпатіями не связанные съ традиціонными взглядами и преданіями московской Руси, они вполне свободно могли критически отнестись къ ея церковнымъ порядкамъ и, какъ люди чужіе, естественно склонны были посмотрѣть иногда даже съ излишнимъ, преувеличеннымъ нерасположеніемъ на непривычныя для нихъ мѣстныя церковно-обрядовыя особенности. Послѣднія не имѣли въ ихъ глазахъ священнаго авторитета родной старины, — и гордымъ своею образованностію южно-руссамъ ничего не стоило объявить ихъ невѣжественными ошибками или даже еретическими искаженіями. — Если, какъ мы видѣли, московскіе люди и равнѣ были не чужды сознанія необходимости книжныхъ и обрядовыхъ исправленій, то теперь, подъ вліяніемъ южно-

¹⁾ Уже съ конца XVI в. въ разныхъ мѣстахъ юго-западной Руси при православныхъ церковныхъ братствахъ выдѣляются ученые старцы, знатоки греческаго языка, которые взяли на себя трудъ перевода и исправленія богослужебныхъ книгъ по греческимъ образцамъ. Труды ихъ, благодаря изданію ихъ въ печати въ мѣстныхъ типографіяхъ, весьма рано проникали въ восточную Россію и здѣсь, за недостаткомъ своихъ печатныхъ церковныхъ книгъ, настолько широко распространились, что при п. Филаретѣ пришлось сдерживать ихъ распространеніе и устанавливать контроль надъ ними (*Кантревъ*, указ. ст., стр. 147—150). Несмотря, однако, на строгіе указы Филарета, южно-русскія книги оказали свое вліяніе на московскую печатную справу и по частямъ стали перепечатываться въ Москвѣ. Вліяніе южной Руси не слабѣетъ здѣсь и при п. Иосифѣ, поддерживается при дворѣ государя и выражается въ переизданіи московскимъ печатнымъ дворомъ многихъ западно-русскихъ и южно-русскихъ книгъ, напр. Кн. Кирилловой, Кн. о вѣрѣ и др. (*Кантревъ*, тамъ же, стр. 154—161; *Николаевскій*, Моск. печати. дворъ при п. Никонѣ, — „Хр. Чт.“ 1891 г., янв.—февр., стр. 157).

русскихъ ученыхъ, это сознаніе должно было заявить себя еще рѣшительнѣе. Но теперь, благодаря тому же вліянію, самое дѣло исправленія должно было получить иную постановку, совершиться на иныхъ началахъ.

Московскій книжный справщикъ предшествующаго времени, сознавая неисправность современныхъ богослужебныхъ книгъ и обрядовъ, видѣлъ въ этой неисправности отклоненіе отъ первоначальной чистоты древле-русскаго православія, принятаго отъ грекъ при св. князѣ Владиміръ. Его идеаль благовѣрія и церковнаго благочинія рисовался ему въ его родномъ прошломъ,—и онъ искалъ отвѣта на возникшее сомнѣніе, исправленія замѣченной ошибки—въ славяно-русскихъ „старинныхъ добрыхъ переводахъ“ или въ греческихъ подлинникахъ, дошедшихъ отъ того времени, когда не было поводовъ заподозрить чистоту греческаго православія. Въ отношеніи къ позднѣйшимъ грекамъ такихъ поводовъ у московскаго книжника XV—XVII в. было достаточно... *Современная* греческая вѣра, близко дружившая съ латинствомъ, представлялась ему сомнительною ¹⁾; современная греческая книга, вышедшая изъ латинской типографіи, не имѣла въ его глазахъ никакого авторитета ²⁾.

¹⁾ Подробнѣе объ этомъ будетъ сказано ниже.

²⁾ Такой взглядъ на греческія печатныя книги высказывали еще филаретовскіе справщики въ своихъ преніяхъ съ Лаврентіемъ Зизаніемъ по поводу его Катихизиса (*Николаевскій*, цит. ст. въ Хр. чт. 1891, янв.—фев., стр. 161) Позднѣе Иванъ Насѣдка въ своемъ „Списаніи обличительномъ на королевича нѣмчина Матвѣя“ высказываетъ то же самое предубѣжденіе противъ печатныхъ греческихъ книгъ на томъ основаніи, что онѣ перепорчены латинами. По его словамъ, при взятіи Константинополя „латыни о томъ все упражнялися, чтобы книги греческіе добывать, и сыскивая ихъ, да посылали въ Римъ къ папамъ и цесарю, и ихъ повелѣніемъ переводили ихъ грамотники, такіе же еретики, и что въ греческихъ квивгахъ обрѣтали на себя, обличительныя статьи и всякіе рѣчи, что къ ихъ грамотѣ о вѣрѣ, и тѣ всѣ рѣчи и дѣла переписывали и исправляли по своей ереси, и какъ имъ надобно бысть у нихъ, и велѣли тѣ книги лживые на соблазнъ печатати греческимъ языкомъ, а не латынскимъ, а прямыя книги, греческіе переводы, велѣли втайнѣ пережечь, а лживые тѣ книги во всю Европу велѣли продавать и всѣхъ людей на западѣ тѣмъ прелести даже и до днесь, да и нынѣ тѣмъ же прелщаютъ многіе языки, что въ Виницеѣ у нихъ книги всегда печатають и греческимъ языкомъ и инѣми языки“. (Памятники прервій о вѣрѣ, возникшихъ по дѣлу королевича Вальдемара, собр. А. Голубцовымъ, стр. 337. М. 1892). Взглядъ этотъ поддерживали въ русскихъ людяхъ сами же греки, жаловавшіеся на то, что написты и лютеране, заведя

Не такъ смотрѣлъ на дѣло южно-русскій ученый. Самъ прошедшій латинскую школу и можетъ быть даже не отказавшійся на время олатиниться ради окончанія образованія ¹⁾, онъ не видѣлъ особенной бѣды въ томъ, что греки дружатъ съ латинами и что греческія богослужебныя книги печатаются въ латинскихъ типографіяхъ. Его собственные, южно-русскіе церковные обряды, въ силу болѣе постоянныхъ и продолжительныхъ церковно-административныхъ связей южной Руси съ Константинополемъ, были гораздо ближе къ обрядамъ греческимъ, чѣмъ къ тѣмъ, какіе употреблялись въ московской Руси, — и онъ дѣлалъ отсюда тотъ естественный для него выводъ, что греки въ болѣе чистой и неизмѣнности сохранили церковно-богослужебныя чины и обряды, чѣмъ Русь московская. Для него, такимъ образомъ, не могло быть сомнѣнія въ томъ, что современные греки по прежнему могутъ и должны быть для русскихъ авторитетомъ и образцомъ въ вопросѣ о церковныхъ чинахъ и обрядахъ ²⁾. Взглядъ южно-русскихъ ученыхъ

у себя греческія типографіи, печатають въ нихъ греческія книги — и вносятъ свою злую ересь (см. челобитн. бывшаго въ 1645 г. въ Москвѣ посла п. константинопольскаго, палеопатрасскаго митрополита Теофана, напечат. сполна въ ст. *Каттерева* — „Слѣдств. дѣло объ Арсеніѣ Грекѣ“, Чт. въ О. Л. Д. Пр. 1881, июль, стр. 74—77, ср. *его же* — „Характеръ отношеній Россіи къ правосл. востоку въ XVI и XVII столѣтіяхъ“, стр. 299—300, ошиб. нм. 399—400). Первые расколоучители, возражая противъ того исправленія русскихъ богослужебныхъ книгъ, какое было предпринято при Никоиѣ, только повторяли эти широко распространенные и самими греками подтвержденные толки о порчѣ печатныхъ греческихъ книгъ латинянами (см. *Матер. для ист. раскола* т. III, стр. 258—259; т. VI, стр. 41—42 и др.).

¹⁾ *Каттеревъ Н. Ѡ.*, Характеръ отношеній..., стр. 297—8.

²⁾ Взглядъ южно-русскихъ ученыхъ на современное греческое православіе выразился въ произведеніяхъ ихъ письменности, перешедшихъ и въ Русь московскую. „Книга о вѣрѣ“, напр. категорически утверждала, что греки неизмѣнно сохранили благочестіе, не смотря на все постигшія ихъ политическія невзгоды, и что русскимъ слѣдуетъ по прежнему во всемъ слушаться восточныхъ патріарховъ. Она опровергаетъ мнѣніе, будто православіе пало на востокѣ отъ турецкаго насилія. Отъ начала міра церковь претерпѣваетъ гоненія, но ея никогда не одолѣють ни врата адавы, ни турецкая неволя. Сколько было мучителей и еретиковъ, которые воевали церковь, но никто изъ нихъ не одолѣлъ ея: сами они погибли, а церковь осталась въ дѣлности. Какъ евреи въ египетской работѣ не отпали отъ вѣры, какъ первые христіане въ триста лѣтъ тяжелыхъ гоневій не утратили ея, такъ и въ нынѣшнее время христіане соблюдаютъ православную вѣру въ не-

былъ усвоенъ на Москвѣ цѣлымъ кружкомъ лицъ, составившимся въ полѣдніе годы патріаршества Іосифа ¹⁾, и

волѣ турецкой: „ничего же бо турцы отъ вѣры и отъ церковныхъ чиновъ отнимають, точію дань грошовую; а о дѣлахъ духовныхъ и о благоговѣнствѣ ни мало належать и не вступаютъ въ то“. Книга опровергаетъ и то мнѣніе, будто флорентійская унія повредила чистотѣ древняго греческаго православія: во Флоренціи былъ не соборъ, а простой „съѣздъ“ грековъ съ „латинниками“, и во всякомъ случаѣ унія между тѣми и другими не была заключена. Греки и послѣ флорентійскаго собора сохранили ту же вѣру, и мы должны ихъ слушаться: „русійскому народу патріарха вселенскаго, архіепископа константинопольскаго, слушати и ему подлежати и повиноватися въ дѣйствахъ и въ науцѣхъ духовной есть польза и приобрѣтеніе велие спасительное и вѣчное“.—См. ст. А. Н. Пытима—„Исправленіе книгъ и начало раскола“ въ Вѣстн. Европы 1894 г., сент., стр. 302; подробности у *Блокурова С.*, Арсеній Сухановъ, ч. I, стр. 173—177.

¹⁾ Проф. *Е. Е. Голубинскій*, Къ нашей полемикѣ съ старообрядцами (Бог. Вѣстн. 1892, февр., стр. 283).—Въ числѣ членовъ этого кружка, по видимому, одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ принадлежало царскому духовнику, прот. Стефану Вонифатьеву. Къ концу патріаршества Іосифа члены этого кружка чувствовали себя настолько сильными, что не боялись открыто заявлять свое недовольство патріархомъ и порицать его и неурядиства современной церкви русской, при чемъ эти недовольства и порицанія заявлялись, какъ видно, не безъ вѣдома самого молодого государя, Алексѣя Михайловича. Въ этомъ отношеніи весьма замѣчательный фактъ представляетъ челобитная, представленная 11 февраля 1649 г. Стефаномъ Вонифатьевымъ на собраніи высшаго русскаго духовенства, въ которой онъ—какъ вужно думать—жестокю понося патріарха и прочее духовенство, указывалъ недостатки современной русской церкви и необходимость ихъ исправленія (см. пр. *Николаевскаго*—цит. ст. въ Хр. Чт. 1891 г., янв.—февр. стр. 165). Если принять во вниманіе, что это было спустя менѣе двухъ недѣль по пріѣздѣ въ Москву греческаго (іерусалимскаго) патріарха Паисія—какъ извѣстно изъ другихъ источниковъ, „зазиравшаго“ Никону и другимъ по поводу русскихъ богослужебно-обрядовыхъ разностей,—то для насъ станетъ понятенъ какъ ближайшій поводъ челобитной Вонифатьева, такъ и то направленіе, въ какомъ должны были производиться церковныя исправленія по взгляду царскаго духовника и его единомышленниковъ. Другимъ документомъ, еще болѣе рѣшительно подтверждающимъ существованіе въ послѣдніе годы патріаршества Іосифа сильной партіи недовольныхъ патріархомъ и современнымъ состояніемъ русской церкви, является письмо царя Алексѣя Михайловича къ митрополиту Никону по поводу смерти патріарха. Изъ этого письма видно, что въ послѣднее время своей жизни Іосифъ чувствовалъ себя весьма не прочно на патріаршемъ престолѣ, живо и больно сознавая существующее недовольство: „перемѣнить меня, скинуть меня хотяятъ“, жаловался онъ и собирался отъ срама добровольно оставить кафедру. Заслуживаетъ вниманія замѣчаніе, какимъ сопровождаетъ царь свое сообщеніе объ этомъ въ письмѣ къ Никону: „а у меня и отца

легъ въ основу новаго церковно-обрядоваго исправленія, когда во главѣ русской церкви сталъ одинъ изъ членовъ этого кружка—Никонъ.

Мы не имѣемъ возможности въ настоящемъ случаѣ подробно отановиться на раскрытіи тѣхъ вліяній, благодаря которымъ по происхожденію крестьянскій сынъ и по образованію простой русскій начетчикъ, Никонъ изъ друга и единомышленника лицъ, оставившихъ по себѣ въ исторіи печальную память неумѣренныхъ ревнителей неизмѣнности русскаго церковнаго обряда ¹⁾, сдѣлался ихъ противникомъ по складу убѣжденій и оказался въ состояніи усвоить тотъ необычный въ то время у насъ взглядъ на современныхъ грековъ, какой проводили на Москвѣ южно-русскіе ученые. Каковы бы ни были эти вліянія,—результатомъ ихъ было то, что Никонъ могъ съ полнымъ правомъ сказать о себѣ слова, сохраненныя намъ Павломъ алеппскимъ: „Хотя я русскій и сынъ русскаго, но моя вѣра и убѣжденія—греческія“. Когда прибывшій въ Москву для сбора милостыни въ концѣ января 1649 года іерусалимскій патріархъ Паисій познакомился съ Никономъ, „греческія убѣжденія“ послѣдняго если еще не вполне сложились, то симпатіи его къ грекамъ, безъ сомнѣнія, были уже вполне ясны и опредѣленны. Этимъ только (а не одною житейскою ловкостью Паисія, сразу узнавшаго сильнаго человѣка у царя,—какъ думаютъ нѣкоторые) можно вполне удовлетворительно объяснить себѣ то, что уже 8 февраля, всего лишь черезъ четыре дня послѣ торжественнаго

моего духовнаго, Содѣтель нашъ Творецъ видитъ, ей ни на умѣ того не бывало, и помыслить страшно на такое дѣло; прости, владыко святыи, *хотя бы и еретичества держался*, и тутъ мнѣ какъ одному отставить его безъ вашего собору?“ (Напечат. въ прилож. къ соч. архим. Аполлоса: „Начертаніе житія и дѣяній Никона, п. московскаго и всея Россіи“, стр. 16. М. 1859). Упоминаніе о духовномъ отцѣ невольно приводитъ на память вышеупомянутую челобитную Стефана Вонифатьева и связываетъ описанія патріарха съ кружкомъ единомышленниковъ царскаго духовника, а не случайно, по нашему мнѣнію, мимоходомъ сказанная фраза: „хотя бы и еретичества держался“ даетъ основаніе видѣть причину недовольства ц. Юсифомъ въ тѣхъ церковныхъ „неисправленіяхъ“, борьба противъ которыхъ начинается по смерти престарѣлаго патріарха, при его молодомъ и энергичномъ преемникѣ.

¹⁾ Матеріалы для исторіи раскола, изд. Н. И. Субботинимъ, т. 1, стр. 15С; т. V, стр. 17.

пріема во дворцѣ и въ Успенскомъ соборѣ, Паисій въ письмѣ къ государю говорить, что успѣлъ хорошо познакомиться съ Никономъ, и что ему-патріарху—„полюбилась бесѣда“ новоспасскаго архимандрита, почему и просилъ позволенія безпрепятственно видѣться и на досугѣ бесѣдовать съ нимъ ¹⁾). Общее содержаніе этихъ бесѣдъ извѣстно,—и оно подтверждаетъ то же самое: не будь Никонъ въ это время уже склоненъ къ грекамъ и всему греческому, проситель-патріархъ едва ли рѣшился бы въ бесѣдахъ съ нимъ „зазирать“ русскую церковность и превозносить, въ противоположность ей, греческую. Въ бытность свою новгородскимъ митрополитомъ Никонъ успѣлъ и на дѣлѣ обнаружить свое расположеніе къ греческому церковно-богослужебному порядку и наклонность къ измѣненію русской церковной старины ²⁾). Сдѣлавшись патріархомъ, онъ остался вѣренъ этой своей любви къ грекамъ и поставилъ задачей предпринятаго имъ дѣла исправленія русскихъ богослужебныхъ книгъ и обрядовъ—привести русскую церковь къ полному обрядовому

¹⁾ *Макарій*. Исторія русской церкви, т. XI, стр. 165.

²⁾ Что касается перваго, т. е. расположеніе къ греческому церковно-богослужебному порядку, то оно обнаружилось, напр., въ томъ, что Никонъ „повелѣ въ своей соборной церкви *греческое пѣніе пѣти*“ (*Макарій*, Исторія русск. церкви, т. XI, стр. 170). Относительно же наклонности къ измѣненію русской церковной старины мы имѣемъ слѣдующее указаніе. Во время новгородскаго бунта одинъ изъ бунтовщиковъ, Оедька Негодяевъ, перебравшись въ Москву, успѣлъ заискать расположеніе бояръ, видѣлъ царскія очи, былъ у руки и получилъ прощеніе; при этомъ, оправдывая себя, онъ старался выставить виновникомъ смуты новгородскаго митрополита Никона: митрополитъ-де хотѣлъ въ соборной церкви передѣлывать, потому въ Петровъ постъ 1649 г. мірскіе люди многіе приходили къ нему съ шумомъ и говорили: „Прежде многія власти были, а *старини не портили*; мы тебѣ стараго ничего въ соборной церкви передѣлывать не дадимъ!“ Отъ митрополита толпа пошла къ св. Софіи, подвези изъ церкви выбросили, мастеровъ, которые подвизывали подвези и собирались столпы ломать, хотѣли бить, но тѣ спрятались. Никонъ въ отвѣтномъ письмѣ государю энергично опровергалъ это обвиненіе: „какъ мнѣ безъ твоего государева указа разрушить? Да и Софійской казны не будетъ столько, чтобы разобрать, не только что вновь создать“ (*С. М. Соловьевъ*, Исторія Россіи, т. X,—по вышеуказ. изд. кн. 2 ст. 1537—1538). Намъ не особенно важно знать, дѣйствительно ли Никонъ хотѣлъ ломать и заново строить Софійскую церковь; но любопытно то, что уже и тогда недовольные имъ ставили ему въ упрекъ *порчу старини*: „прежде многія власти были, а старини не портили“...

единству съ церковью греческою путемъ передѣлки русскихъ книжныхъ и церковно-обрядовыхъ особенностей по *современнымъ греческимъ образцамъ*. Въ этомъ поставленіи *современныхъ* греческихъ книгъ и обрядовъ за обязательную норму и образецъ для русской церкви и состоитъ существенное отличіе Никонова дѣла отъ всѣхъ прежнихъ бывшихъ у насъ попытокъ книжнаго и обрядоваго исправленія. Здѣсь же прежде всего слѣдуетъ искать и объясненія того, почему исправленіе книгъ и обрядовъ при Никонѣ встрѣтило со стороны защитниковъ существующаго русскаго церковно-богослужебнаго порядка болѣе энергичный и болѣе печально кончившійся протестъ, чѣмъ при его предшественникахъ.

Но можно ли съ рѣшительностію утверждать, что именно въ этомъ заключалась характеристическая черта Никонова дѣла?—Вопросъ о томъ, какъ и по какимъ образцамъ правились книги при п. Никонѣ, не смотря на всю свою безспорную важность для уясненія главнѣйшихъ событій русской церковно-исторической жизни второй половины XVII вѣка, — до сихъ поръ еще не рѣшенъ окончательно; поэтому, присоединяясь къ указанному сейчасъ взгляду ¹⁾, мы должны представить говоряція въ пользу его и противъ всякаго другого представленія дѣла соображенія и положительныя данныя. Въ нашей ученой литературѣ издавна установилось мнѣніе, что „во дни патріарха Никона богослужебныя книги наши были исправлены самымъ тщательнымъ образомъ по древле-славянскимъ и по греческимъ (разумѣется: тоже древнимъ) *рукописямъ*“. Соответственно этому въ п. Никонѣ изслѣдователи видѣли и многіе еще доселѣ продолжаютъ видѣть не инициатора книжной sprawy по какимъ-нибудь новымъ приемамъ, а лишь „законнаго пріемника“ справщиковъ прежняго времени, „энергичнаго защитника и проводника въ жизнь“ знакомой и его предшественникамъ мысли объ исправленіи книгъ по греческимъ древнимъ образцамъ. Никонъ только болѣе неуклонно, настоятельно и послѣдовательно проводилъ эту мысль, — и въ этомъ за-

¹⁾ Высказанному проф. Н. О. Каттеревымъ (Характеръ отношеній Россіи къ правосл. востоку, стр. 344,—ошиб. нм. 444, и др.) и обстоятельно раскрытому проф. Е. Е. Голубинскимъ (Къ нашей полемикѣ съ старообрядцами,—Богосл. Вѣстн. 1892, февр., стр. 304—312).

ключается существенное отличіе дѣятельности московскаго печатнаго двора при немъ отъ дѣятельности его при прежнихъ патріархахъ ¹⁾). Но такъ ли было на самомъ дѣлѣ? Весьма вѣроятно, что поставивши программу своего дѣла слова грамоты восточныхъ патріарховъ 1593 г.: „да во всемъ великая Россія православная со вселенскими патріархи согласна будетъ“ ²⁾, Никонъ первоначально надѣялся достигнуть этого согласія путемъ исправленія русскихъ богослужебныхъ книгъ по древнимъ греческимъ рукописямъ, для собиранія которыхъ и былъ, между прочимъ, отправленъ на востокъ Арсеній Сухановъ. Но при практическомъ выполненіи этой программы неизбежно встрѣчался рядъ непреодолимыхъ препятствій, который—надо думать—и заставилъ дать дѣлу иную постановку. Можно было мечтать о возстановленіи правильности и единства въ русскихъ церковно-богослужебныхъ книгахъ и чинахъ на основаніи *древнихъ* греческихъ и славянскихъ рукописей, пока была увѣренность, что тѣ и другія „купно обои единъ чинъ и уставъ показываютъ“,—но какъ было добиться этого единства и правильности, когда въ дѣйствительности сами эти рукописи, вслѣдствіе продолжавшагося непрерывно въ теченіи вѣковъ развитія богослужебнаго обряда и чинослѣдованій, въ изложеніи послѣднихъ значительно разнились между собою и еще значительнѣе отличались отъ современныхъ Никону богослужебныхъ чинослѣдованій и практики греческой церкви? Прежніе справщики, пользуясь греческими рукописями лишь въ весьма ограниченномъ количествѣ, имѣли предъ собою не очень большое разнообразіе редакцій богослужебныхъ чиновъ и могли предпочесть какую-нибудь изъ нихъ по тѣмъ или др. соображеніемъ, нисколько не

¹⁾ См. пр. *Николаевскаго*—цит. ст. въ Хр. Чт. 1891, іюнь—авг. стр. 155—156.—Пресов. *Макарій* въ своей Исторіи русск. раскола рѣшительно заявлялъ, что Никонъ исправлялъ книги „не по печатнымъ греческимъ, а по древнимъ рукописнымъ которыя собралъ въ такомъ количествѣ, и вмѣстѣ по древнимъ рукописнымъ славянскимъ“ (стр. 210).

²⁾ Указанная грамота напечатана Никономъ въ „Скрижали“. Мысль о возстановленіи согласія съ греческою церковію, какъ основной причинѣ и конечной цѣли исправленія русскихъ богослужебныхъ книгъ вполне опредѣленно высказана Никономъ въ предисловіи къ Служебнику, изд. въ 1655 г. (*Голубинскій*, цит. ст., стр. 309—310).

оумущаясь ея несогласіемъ съ *современнымъ* греческимъ чиномъ, такъ какъ послѣдній вовсе не былъ въ ихъ сознаниіи идеальною нормою и образцомъ. Положеніе Никона и его сотрудниковъ было совсѣмъ иное: не говоря уже о томъ, что вообще довольно трудно было бы иногда отыскать твердыя основанія, почему изъ множества собранныхъ рукописей непремѣнно та, а не иная должна быть предпочтена всѣмъ остальнымъ,—ни одна изъ нихъ, будучи избрана, не вела бы къ желанной цѣли—установленію богослужебно-обрядоваго единства съ современною церковью греческой, и чѣмъ древнѣе избранная рукопись, тѣмъ болѣе исправленный по ней русскій богослужебный чинъ отличался бы отъ современнаго греческаго. Представленные соображенія невольно наводятъ на мысль, что Никонъ, усвоивши взглядъ южно-русскихъ ученыхъ на современное греческое православіе и настойчиво стремясь къ указанной сейчасъ цѣли, неизбѣжно долженъ былъ отказаться отъ невыполнимой задачи—исправлять русскіе богослужебные обряды и чины по *древнимъ* рукописямъ, и въ концѣ концовъ принять за образецъ въ дѣлѣ исправленія *современную* ему редакцію чинопослѣдованій въ печатныхъ греческихъ книгахъ (и м. б. еще—въ близкихъ къ нимъ рукописяхъ) и *современную* же богослужебную практику греческой церкви,—при чемъ, разумѣется, онъ могъ быть твердо убѣжденъ, что эти книги и эта практика болѣе вѣрно, чѣмъ несогласныя съ ними рукописи, сохраняютъ черты первоначальной древности. Предположеніе, столь естественное само по себѣ, находитъ подтвержденіе въ свидѣтельствѣ современника, достовѣрность котораго въ настоящемъ случаѣ едва-ли можно заподозрить. Разумѣемъ дьякона Федора, который—говоря о томъ, что Никонъ неосновательно ссылается въ оправданіе своихъ исправленій на греческія книги—отмѣчаетъ разницу между самыми этими книгами: „греческія бо книги двои стали давно у нихъ: *рукописныя старыя* малыя (т. е. въ небольшомъ количествѣ), кои остались не сожжены отъ римлянъ, и тѣ правы книги; и *другіе* новыя, *печатныя* новыя греческія книги есть, иже печатаны по взятіи Царяграда, и тѣ всѣ растлѣны суть и римскихъ ересей наполнены. Отъ сея вины учинилося тако въ печатныхъ тѣхъ книгахъ: егда греки прибѣгоша въ Римъ со

всѣми старыми своими книгами, кроюще ихъ отъ турскаго султана, съ нихже и наши русскія книги переведены, и тѣ книги у грекъ отняли римляне и на свой языкъ преложили, а тѣ старыя всѣ греческія сожгли, враги проклятые, и съ своего языка латынскаго почали уже печатать греческимъ языкомъ, смѣшавше ихъ своими ересми, и продають ихъ грекамъ, по градомъ возяще, ежебы въ свое мудрованіе привести ихъ тѣмъ вымысломъ, якоже и насъ никоніане нынѣ. И греки по нуждѣ покупають ихъ, зане печати у нихъ нѣсть и при вѣрныхъ царѣхъ не было. А кои греки благочестіе хранятъ чисто, ти отнюдь тѣхъ книгъ не приемлютъ, но препишють съ нужею старыя и по тѣмъ славятъ Бога. И во Аѳонской горѣ 20 монастырей греческихъ и 4 русскихъ, и всѣ тѣхъ книгъ, сквозѣ еретическія руки прошедшихъ, не приемлютъ же. А печатають ихъ латынцы въ трехъ градѣхъ своихъ: въ Римѣ, въ Парижѣ и Венеціи. *И тѣ проказенныя книги латиногреческія печатныя Никонъ посылалъ покупать тамо*, и купилъ ихъ на многія тысящи сребра... *И съ тѣхъ новогреческихъ печатныхъ книгъ печаталъ онъ на Москвѣ новыя нынѣшнія книги: потому онъ и несогласны со старыми нашими.* Арсеній грекъ, врагъ Божій, научилъ его, Никона, покупать тѣ книги еретическія, онъ переводилъ ихъ на нашъ языкъ словенскій, и тѣмъ они развратъ велій сотворили во всей Русской земли по всѣмъ церквамъ, и тѣмъ Христа Бога нашего прогнѣвали, и на весь міръ много бѣды и пагубы навели противными книгами и чужими догматы нововводными“ ¹⁾. То обстоятельство, что авторъ этого

¹⁾ Матер. для ист. раск., изд. *Н. И. Субботинымъ*, т. VI, стр. 157—158. То же самое говоритъ Ѳеодоръ и въ другомъ мѣстѣ: „А нынѣшнія книги, что посылалъ покупать Никонъ патріархъ въ Грецію, съ коихъ нынѣ здѣ переводятъ, словутъ греческія, а тамъ печатають тѣ книги подъ властію богоотступнаго папы римскаго въ трехъ градѣхъ: въ Римѣ, въ Парижѣ и Венеціи, греческимъ языкомъ, но не по древнему благочестію, и тѣ книги у нихъ покупають греки, и за нужу, что въ своей у нихъ землѣ печати нѣтъ,—сказалъ о семъ Максимъ Грекъ великому князю Василію; а ихъ старыя книги побравши, тѣ же отступницы римляне, и на свой языкъ переведчи, прижгли старыя, и съ своего языка на ихъ, какъ хотятъ, такъ выдадутъ. Того ради и здѣ нынѣшнія съ тѣхъ съ старыми несогласны, государь, и велія смута“. (Матер. для ист. раск. т. VI, стр. 41—42; еще—тамъ же, стр. 321; см. выше, стр. 240 примѣч. 2-е).

свидѣтельства—одинъ изъ расколоучителей, нисколько не уменьшаетъ его силы въ настоящемъ случаѣ, поскольку рѣчь идетъ о томъ, какія греческія книги: рукописныя древнія или современныя печатныя были положены у насъ въ основу книжнаго исправленія при Никонѣ. Съ какой стати сталъ бы дьяконъ Ѳеодоръ распространяться (да еще не однажды) о греческихъ книгахъ, печатаемыхъ въ Римѣ, Парижѣ и Венеціи, и строить на *нихъ* обвиненіе противъ п. Никона, если бы эти книги не были на самомъ дѣлѣ приняты за образецъ на московскомъ печатномъ дворѣ? и развѣ не былъ бы онъ въ такомъ случаѣ открыто изобличенъ въ очевидной лжи и клеветѣ на патріаха? Если же это свидѣтельство, тѣмъ не менѣе, показалось бы не убѣдительнымъ, то въ подкрѣпленіе его можно представить указанія, идущія уже не со стороны раскольниковъ и также подтверждающія, что при исправленіи имѣлись въ виду не однѣ только рукописи, а и печатныя греческія изданія ¹⁾. Проф. Е. Е. Голубинскій въ своей вышецитов. статьѣ указываетъ даже сохранившійся до настоящаго времени экземпляръ греческаго печатнаго свхологія, съ котораго былъ правленъ служебникъ, изд. въ 1655 г. ²⁾— Въ виду всѣхъ этихъ соображеній и положительныхъ данныхъ взгляды на приемы и образцы книжнаго исправленія при п. Никонѣ, защищаемый названнымъ ученымъ, представляется совершенно справедливымъ. Кромѣ своей основательности, взгляды этотъ долженъ быть предпочтенъ всякому другому ужъ по одному тому, что онъ — какъ видно отчасти изъ предыдущаго и какъ еще яснѣе станетъ изъ дальнѣйшаго изложенія—единственно удовлетворительно объясняетъ намъ непонятный иначе фактъ необычайно-энергичнаго противо-дѣйствія русскихъ людей исправленіямъ Никона и происхожденіе раскола ³⁾.

¹⁾ Предисловіе къ Часослову 1653 г. и вопросъ собора 1666 г. о книгахъ греческихъ печатныхъ (прив. у *Голубинскаго*, цит. ст., стр. 311). См. *Блокурова С.*, Арсеній Сухановъ, часть 1, стр. 327—329.

²⁾ Проф. *Е. Е. Голубинскій*, тамъ же, стр. 308—309. О томъ, что греческія рукописи, привезенныя съ Аеона Арсеніемъ Сухановымъ, не оказали и не могли оказать вліянія на исправленіе какъ этого Служебника, такъ и др. изданій, вышедшихъ съ Московск. печатн. двора при п. Никонѣ, см. назв. изслѣд. *Блокурова*, стр. 416—420.

³⁾ Единственное *дополненіе*, какое *можетъ* быть сдѣлано къ этому

Итакъ, книжное и церковно-обрядовое исправленіе, предпринятое у насъ при п. Никонѣ, представляетъ собою часть того общаго широкаго преобразовательнаго движенія, которое возникло подъ вліяніемъ знакомства съ Западомъ и шло отсюда. Но если во всѣхъ другихъ сторонахъ русской жизни потребность исправленій могла быть удовлетворена путемъ усвоенія западныхъ же порядковъ (какое усвоеніе и совершается у насъ въ разсматриваемое время и еще сильнѣе—при Петрѣ), то въ примѣненіи къ области церковно-религіозной должно было быть иначе. Разрѣшенія тѣхъ вопросовъ, которые ставились русскому религіозному сознанию вѣяніями, идущими съ Запада, можно было искать, разумѣется, не на безнадежно-еретическомъ Западѣ, а на возстановленномъ во мнѣніи русскихъ людей со стороны своего православія греческомъ Востокѣ. Такъ именно и было на самомъ дѣлѣ.

Но на ряду съ указаннымъ, идущимъ съ Запада, новымъ теченіемъ, поставившимъ на очередь вопросъ о всесторонней реформѣ русской жизни и опредѣлившимъ ея направленіе, существовалъ другой, исконный складъ понятій, иное направленіе мысли и жизни, созданное историческими судьбами русскаго народа и крѣпко связанное съ преданіями

взгляду,—это указаніе на изв. долю вліянія *южно-русскихъ* печатныхъ изданій богослужебныхъ книгъ на исправленіе таковыхъ же у насъ. Подобно тому, какъ вообще греческое вліяніе получаетъ у насъ силу въ XVII вѣкѣ, идя рука объ руку съ южно-русскимъ и въ значительной степени подготовляясь послѣднимъ,—и въ области книжнаго исправленія то и другое могли оказаться въ нѣкоторомъ взаимодействіи, напр. такимъ образомъ, что южно-русскія богослужебныя книги могли иногда быть—такъ сказать—посредствующею инстанціей между новоисправленными русскими чинами и служившими для нихъ образцомъ печатными греческими,—могли служить пособіемъ, облегчавшимъ въ иныхъ случаяхъ дѣло переводчиковъ и справщиковъ. Такъ ли было на самомъ дѣлѣ, какъ *можно* быть—для рѣшенія этого вопроса мы не имѣемъ въ настоящее время нужныхъ фактовъ. Мы слышали, что въ скоромъ времени появится въ печати ученое изслѣдованіе, специально посвященное вопросу объ отношеніи южно-русскихъ богослужебныхъ изданій къ никоновской книжной справѣ. Каковы бы ни были результаты этого изслѣдованія, они едва ли внесутъ *существенныя* измѣненія въ тотъ взглядъ, по которому характеристическою чертою исправленія, предпринятаго при Никонѣ, признается тенденція привести русскіе церковно-богослужебныя чины и обряды къ полному единству съ *современными греческими* чинами и обрядами.

старины. Было бы слишкомъ долго, а потому и неумѣстно здѣсь говорить о тѣхъ условіяхъ, которыя содѣйствовали его образованію; мы ограничимся лишь нѣсколькими замѣчаніями о томъ, что составляло сущность этого направленія. Двѣ рѣзкія черты характеризуютъ собою воззрѣніе, лежащее въ его основѣ: мысль, что каждая страна имѣетъ свой собственный укладъ жизни, свои обычаи, которые „не приходятъ къ иной странѣ“ и въ неизмѣнномъ сохраненіи которыхъ заключается условіе силы народа и его историческое призваніе ¹⁾, — и убѣжденіе, что русская жизнь во всѣхъ ея сторонахъ, не смотря на тѣ или другіе возможные недостатки въ частностяхъ, есть все-таки нѣчто высшее, совершеннѣйшее, чѣмъ жизнь другихъ странъ и народовъ. Естественнымъ выводомъ изъ подобнаго рода воззрѣній, справедливость которыхъ русскіе люди умѣли подкрѣплять ссылками на свидѣтельство исторіи своей и чужой, являлся крайній консерватизмъ въ отношеніи къ формамъ политическаго строя и общественнаго быта. Оглядываясь на свое собственное историческое прошлое и видя въ немъ радовавшую его сердце картину того, какъ русская земля все „растетъ и молодѣетъ и возвышается“, русскій человѣкъ приписывалъ это высокому достоинству своихъ изстари унаслѣдованныхъ обычаевъ и своей вѣрности этому завѣту предковъ. Естественно, что каждое даже самое незначительное измѣненіе привычныхъ формъ жизни, всякое „новшество“—каково бы оно ни было—должно было казаться подозрительнымъ для людей, такъ настроенныхъ, и вызывать въ нихъ боязливое опасеніе за цѣлость того гражданскаго и политическаго благосостоянія, которое ставилось въ зависимость отъ неизмѣнности существующаго порядка.

Если такъ крѣпко было въ русскихъ людяхъ этого склада вообще уваженіе къ родной старинѣ и убѣжденіе въ ея неизмѣнности, то еще болѣе это слѣдуетъ сказать о старинѣ

¹⁾ „Коей же странѣ—читалъ русскій человѣкъ въ епископскомъ поученіи князьямъ и пѣмъ православнымъ христіанамъ—законы своя и отчина; а не приходитъ друга ко дружѣй, но своего обычая кояждо законъ держитъ“. (Памятники древне-русскаго канонич. права, изд. подъ ред. проф. А. С. Павлова, Русск. Историч. Библіот. т. VI, столб. 854); „а которая земля свои обычаи перестанавливаетъ—добавляя оны къ этому свое собственное наблюденіе—и та земля не долго стоитъ“ (слова Берсена Беклемишева).

религіозной, о церковныхъ порядкахъ и обычаяхъ. Въ крѣпкомъ соблюденіи не только главныхъ истинъ христіанской вѣры, но и мелкихъ подробностей церковнаго обряда русскіе люди искони видѣли свою отличительную особенность сравнительно съ другими неправославными народами (которыхъ они отказывались признать даже христіанскими), а съ теченіемъ времени стали видѣть въ этомъ даже свою провиденціальную задачу, свое историческое призваніе. Произошло это слѣдующимъ образомъ. Греки, ставшіе на Руси руководителями религіозной жизни послѣ принятія здѣсь христіанства, вмѣстѣ съ первыми уроками православной вѣры постарались передать своимъ ученикамъ сильное нерасположеніе ко всѣмъ другимъ исповѣданіямъ, и въ особенности свою чрезвычайно обострившуюся къ этому времени вражду къ латинянамъ: представляя послѣднихъ злѣйшими изъ всѣхъ еретиковъ, они внушали блюстись латинскихъ преданій и избѣгать ихъ какъ гангрены. Русскіе хорошо усвоили эти уроки своихъ учителей ¹⁾ и всячески старались отгородить себя отъ еретическаго Запада, признавая истинными христіанами только себя, да своихъ учителей — грековъ. Но послѣдующія затѣмъ историческія обстоятельства, оставляя во всей силѣ прежній взглядъ русскихъ на самихъ себя и на латинянъ, сильно поколебали въ нихъ довѣріе къ греческому православію. Начиная съ флорентійской уніи, наложившей на грековъ въ сознаніи русскихъ людей позорное клеймо отступничества, у насъ начинаютъ говорить о греческомъ православіи ужь какъ о чемъ-то прошломъ, имѣвшемъ мѣсто въ былыя времена, но теперь не существующемъ или, по крайней мѣрѣ, весьма сомнительномъ. Греки *были* когда-то православны и научили этому чистому православію русскихъ; потомъ греки утратили чистоту своего православія чрезъ унію съ латинствомъ, а русскіе сохранили его неизмѣнно. Выводъ отсюда былъ ясенъ и весьма пріятенъ для русскаго чувства: теперь, послѣ отступленія

¹⁾ О чемъ свидѣтельствуетъ обширная полемическая литература противъ латинянъ, обзорѣнію которой посвящено изслѣдованіе А. Попова: „Историко-литературный обзоръ древне-русскихъ полемическихъ сочиненій противъ латинянъ (XI—XV в.)“. М. 1875; ср. проф. А. С. Павлова: „Критическіе очерки по исторіи древнѣйшей греко-русской полемики противъ латинянъ“. Спб. 1878 (XIX отчетъ о присужденіи награды графа Уварова).

грековъ, русскимъ ужъ нечему у нихъ учиться, и не русское православіе нужно провѣрять по греческому, а наоборотъ,—сами греки лишь постольку могутъ быть признаны православными, поскольку они согласны съ нами въ своихъ вѣрованіяхъ и обрядахъ. Политическія невзгоды, постигшія грековъ вскорѣ послѣ флорентійской уніи, были въ глазахъ русскихъ людей съ одной стороны — подтвержденіемъ ихъ мнѣнія объ отступленіи грековъ отъ чистоты своего православія (паденіе Константинополя и греческаго царства было признано наказаніемъ грекамъ за то, что они „предаша гречьскую вѣру въ латынство“), съ другой—новымъ основаніемъ еще болѣе заподозрить эту чистоту. Если ужъ во времена политической независимости греки не счумѣли остаться вѣрными православію, то чего ждать теперь, послѣ паденія Константинополя, когда они, плѣненные „агарянскими внуками“, находятся подъ насиліемъ турецкаго султана? Сопоставляя эти политическія бѣдствія грековъ съ своими собственными политическими успѣхами и смотря на нихъ съ той же самой точки зрѣнія божественнаго правосудія, награждающаго успѣхомъ благовѣріе и карающаго бѣдствіями нарушеніе чистоты вѣры, русскіе еще болѣе укрѣплялись въ мнѣніи о себѣ, какъ о народѣ, обладающемъ самымъ чистымъ правовѣріемъ. Понятно, что греческая церковь, съ ея богослужебною практикою, въ своемъ настоящемъ состояніи должна была утратить для нихъ прежнее руководственное значеніе, — и обнаружившееся вслѣдъ за тѣмъ нѣкоторое различіе между нею и русскою церковью въ богослужебныхъ чинахъ и обрядахъ ¹⁾ вполне послѣдо-

¹⁾ Эта обрядовая рознь, становящаяся уже замѣтною на границѣ XV и XVI вѣковъ (*Житіе св. Патриарха Никонъ...*,—Прав. Обзор. за 1887 г., янв., стр. 166), была естественнымъ слѣдствіемъ неустановленности, неединообразія многихъ церковныхъ чиновъ и обрядовъ въ греческой церкви въ эпоху принятія нами христіанства отъ грековъ — съ одной стороны, и прекращенія очень близкаго общенія между церквами русскою и греческою въ эпоху политическихъ невзгодъ русской земли и потомъ Византіи—съ другой. Первое изъ указанныхъ обстоятельствъ открывало возможность дальнѣйшаго развитія церковныхъ чиновъ и обрядовъ въ Греціи и на Руси, а второе уясняетъ для насъ, почему это развитіе тамъ и здѣсь могло быть не одинаковымъ,—почему вновь образовавшіеся или только окончательно отлiviшіеся въ опредѣленную форму церковные обряды русскіе могли быть—и дѣйствительно оказались—не тождественны съ греческими.

вательно было объяснено такъ, что вина разногласія возлагалась не на русскихъ, а на грековъ. Все, чѣмъ церковь греческая въ своихъ книгахъ и богослужебной практикѣ расходилась съ русскою, было признано за погрѣшительныя „новшества“ грековъ, отчасти позаимствованныя отъ латинъ, отчасти измышленныя самими греками по собственному произволу или подъ вліяніемъ ига турецкаго. Мысль, что чистое православіе утрачено современными греками и что вѣра у нихъ стала „пестра“, дѣлается общимъ убѣжденіемъ русскихъ людей XVI и почти всей первой половины XVII в., — и параллельно съ нею развивается и крѣпнеть мысль о высококомъ превосходствѣ самихъ русскихъ, оставшихся вѣрными и неизмѣнными хранителями православныхъ преданій. „Тамо — говорили у насъ о грекахъ — вѣра православная испроказися Махметовою прелестію отъ безбожныхъ турокъ, здѣ же, въ рустѣй земли, *наче* просія святыхъ отецъ нашихъ ученіемъ“¹⁾). Греки, приходившіе за милостынею на Русь

¹⁾ Свящ. Василій въ житіи Саввы Крыпецкаго (заимствуемъ изъ ст. проф. Голубинскаго въ Богосл. Вѣстн. 1892, янв., стр. 74). Особенно ярко и полно указанный взглядъ русскихъ на грековъ и на самихъ себя въ отнош. къ чистотѣ православія и вѣрности православнымъ преданіямъ выразился въ извѣстныхъ „Преніяхъ съ греками о вѣрѣ“ Арсенія Суханова; подробно о нихъ см. въ соч. С. Блокурова — Арсеній Сухановъ, ч. 1, стр. 211—227, а самый текстъ „Преній“ во 2 ч. вып. 1 того же соч., стр. 25—101.—Проф. Каттеревъ въ своей статьѣ о п. Никонѣ приводитъ доказательства, что взглядъ на грековъ, какъ на утратившихъ чистое православіе, „никогда не былъ взглядомъ всеобщимъ, а тѣмъ болѣе церковнымъ“; по его мнѣнію, русскіе, не считая грековъ уклонившимися въ еретичество и признавая ихъ вполнѣ православными, ставили себя выше ихъ только со стороны внѣшняго благочестія: „они были убѣждены, что греки, сохранивъ у себя неповрежденною самую вѣру православную, т. е. православное вѣроученіе, въ то же время въ нѣкоторыхъ церковныхъ чинахъ и обрядахъ, несознательно и незамѣтно для себя, отступили отъ старины, вслѣдствіе чего ихъ церковный чинъ, въ нѣкоторыхъ своихъ частностяхъ, уже нуждается въ исправленіи, и именно по образцу русскаго, который сохранился во всей его первоначальной полнотѣ и неповрежденности“ (см. Прав. Обзор. 1887, янв., стр. 168—174). Но съ такимъ мнѣніемъ трудно согласиться вполнѣ. И прежде всего, въ примѣненіи къ тому времени, о которомъ идетъ рѣчь, едва ли возможно ясное разграниченіе въ сознаніи русскихъ людей предметовъ вѣроученія отъ подробностей богослужебнаго обряда и церковной дисциплины: не только русскіе, но и превосходившіе ихъ по своему богословскому развитію греки тогда еще не умѣли вполнѣ ясно отличать существенное въ православіи отъ несущественнаго, внутренней стороны отъ вѣншей (о чемъ

съ порабощеннаго магометанами востока и даже сами восточные патріархи (цареградскій Іеремія и іерусалимскій Теофанъ), лѣтя этому разрастающемуся самомнѣнію, съ

подробнѣе — нѣсколько ниже), — значить, не могли полагать различія, въ смыслѣ искаженія православія, между отступленіемъ въ вѣрѣ и измѣненіемъ изъ церковномъ обрядѣ. Не тотъ обрядъ— значить, не та и вѣра: вотъ, въ нѣсколько рѣзкомъ выраженіи, точка зрѣнія, свойственная русскимъ людямъ того времени. Замѣчая у грековъ особенности въ обрядѣ сравнительно съ собою и считая себя вполне православными, русскіе, сообразно указанной точкѣ зрѣнія, не могли уже считать таковыми же и грековъ. Какъ же примирить съ этимъ тѣ факты, на которые указываетъ проф. Каптеревъ, — факты, говорящіе о томъ, что русскіе поддерживали церковное общеніе съ греками, обращались къ нимъ за разъясненіями разныхъ недоумѣній по церковнымъ вопросамъ, признавали дѣйственными ихъ молитву и благословеніе и допускали греческихъ выходцевъ - епископовъ къ занятію у насъ архіерейскихъ кафедръ? Единственно правильный отвѣтъ на этотъ вопросъ, по нашему мнѣнію, будетъ слѣдующій: отступленіе грековъ отъ чистоты древняго православія считалось у насъ несомнѣннымъ, но не поголовнымъ и не безнадежнымъ. Русскіе люди признавали, что греки, вслѣдствіе сближенія съ латинянами и подъ вліяніемъ ига невѣрныхъ, утратили чистое православіе, но утратили не сполна и не всѣ: остались между ними и такіе, которые не приняли латинскихъ и др. ересей и пребыли вѣрны древнимъ преданіямъ, тѣмъ самымъ, которыя нѣкогда были приняты и нами отъ грековъ при крещеніи Руси. Нельзя только безъ нарочитаго предварительнаго испытанія рѣшить въ отдѣльныхъ случаяхъ, сохранено ли изв. лицами православіе, или нѣтъ; и до тѣхъ поръ, пока вопросъ этотъ не изслѣдованъ и не рѣшенъ, *каждый грекъ представлялся сомнительнымъ со стороны своего православія.* Отсюда—проявляемая русскимъ правительствомъ забота: при восшествіи на восточный патріаршій престолъ новаго лица, прежде чѣмъ вступитъ съ нимъ въ общеніе, убѣдиться въ его православіи; отсюда практиковавшаяся у насъ отдача пришлыхъ грековъ подъ началъ „для исправленія пранославные вѣры“; отсюда же (хотя и не исключительно) тотъ негласный, но строгій надзоръ, какому подвергались даже восточные патріархи, пріѣзжавшіе на Русь. Все это показываетъ, что русскіе люди и само русское правительство, свѣтское и духовное, признавало современныхъ грековъ православными лишь постольку, поскольку находило ихъ чуждыми новшествъ и вѣрными преданіямъ того *древняго* греческаго православія, какое нѣкогда приняла Русь при крещеніи и вѣрною хранительницею котораго считала она себя теперь. Только это *древнее* греческое православіе сохраняло по прежнему свой авторитетъ для русскихъ и только его руководительству они и теперь готовы были подчиняться. Именно эта мысль даетъ себя чувствовать въ тѣхъ случаяхъ, когда русская церковная власть считала необходимымъ обратиться къ восточнымъ патріархамъ по какимъ-нибудь церковнымъ дѣламъ. Когда у насъ шли споры о прилогѣ въ молитвѣ богоявленскаго водоосвященія словъ: „и огнемъ“, русская духовная власть, въ лицѣ п. Филарета, не находя возможнымъ сама рѣшить столь важный,

своей стороны не затруднялись заявлять, что дѣйствительно теперь на Руси большее православіе и высшее христіанство, чѣмъ у нихъ, грековъ ¹⁾. Разроставшаяся между тѣмъ мало

по ея мнѣнію, богословскій вопросъ, обращается за содѣйствіемъ къ восточнымъ патріархамъ, но за какимъ содѣйствіемъ? Личное указаніе іерус. патріарха Теофана на то, „какъ у нихъ освященіе богоявленской воды бываетъ“ (т. е. на современную богослужебную практику греческой церкви) не рѣшило недоумѣнія, и Филаретъ „Теофану патріарху говорилъ, чтобъ ему пріѣхавъ въ греческую землю, со всею братіею со вселенскими патріархи посовѣтовавъ о томъ, *выписати изъ греческихъ книгъ древнихъ переводовъ о освященіи богоявленской воды*, какъ у нихъ писано, и выписавъ прислати къ намъ къ Москвѣ за своими руками“ (*Андрей Иоанновъ*, Полн. историч. извѣстіе, стр. 39). Этотъ фактъ весьма ясно показываетъ, чего собственно хотѣла, чего искала и какое православіе имѣла въ виду русская дух. власть, обращаясь за справками по церковнымъ вопросамъ на востокъ. Совершенно естественно, что въ тѣхъ случаяхъ, когда она не находила повода заподозрить чистоту православія современныхъ греческихъ іерарховъ и др. лицъ, она не находила и препятствій къ тому, чтобы быть съ ними въ церковномъ общеніи и благотворить имъ. Последнее, т. е. благотворительность, русскіе, въ качествѣ хранителей и защитниковъ православія, естественно признавали даже своею обязанностью по отнош. къ тѣмъ изъ грековъ, которые признаны были сохранившими древнія православныя преданія не смотря на всѣ неблагопріятствуюція этому условія. А что касается случаевъ допущенія греческихъ епископовъ къ занятію архіерейскихъ кафедръ на Руси, то—по словамъ самого проф. Калтерева—это было возможно лишь подъ условіемъ, чтобы допускаемый „дри совершеніи богослуженія на Руси прiderживался тѣхъ церковныхъ особенностей, которыми русскіе отличались тогда отъ современныхъ грековъ“ (стр. 172—173), т. е. говоря иначе, лишь въ томъ случаѣ, когда въ грекѣ не оставалось ничего греческаго (въ смыслѣ церковно - богослужебныхъ особенностей). Такъ образ., отношенія русскаго правительства, какъ свѣтскаго, такъ и духовнаго, къ грекамъ, несомнѣнно, опредѣлялись тою общео руководящею мыслію, что современное греческое православіе, послѣ флорентійской уніи и паденія Константинополя, весьма сомнительно и не можетъ быть довѣрчиве приемлемо безъ предварительнаго испытанія путемъ сопоставленія съ нашимъ русскимъ православіемъ, хотя въ отдѣльныхъ случаяхъ такое нарочитое испытаніе не всегда было необходимо для устранения недоумѣнія. Въ общемъ если греки и признавались православными, то лишь постольку, поскольку предполагались въ согласіи съ нами, каковое согласіе въ отдѣльныхъ случаяхъ нужно было доказать.

¹⁾ „Ветхій Римъ надѣся аполинаріевою ересью,—писалъ п. Іеремія въ грамотѣ къ царю Федору Ивановичу,—вторый же Римъ, иже есть Константинополь, агарянскими внуцы отъ безбожныхъ турокъ обладаемъ; твое же, благочестивый царю, великое россійское царствіе третій Римъ благочестіемъ всѣхъ превзыде, и вся благочестивая царствія въ твое царствіе въ одно снидошася; ты единъ христіанскій царь имянуещися во всей вселеннѣй“

по малу обрядовая рознь между русскою и греческою церковью не могла, конечно, остаться незамѣченной этими льстивыми пришельцами съ Востока; но они не считали удобнымъ пускаться въ обличеніе обрядовыхъ разностей, укоренявшихся на Руси, и за время своего пребыванія здѣсь охотно позволяли переучивать себя молиться по русскому обряду ¹⁾. Далѣе этого, разумѣется, идти было ужь некуда: если сами греки, бывшіе нашими учителями, не прочь теперь поучиться у насъ православію, то русскимъ остается лишь хранить неизмѣнно свою вѣру и свои обычаи, тѣмъ болѣе, что съ неизмѣннымъ сохраненіемъ ихъ у насъ связывается теперь судьба всего міра. Классическимъ выраженіемъ этого взгляда русскихъ людей на историческое положеніе и роль своего православія служить извѣстное по-

(*Терновскій Ф.* Изученіе византійской исторіи и ея тенденціозное приложение древней Руси, вып. 2, стр. 70. Кіевъ 1876). Объ Іерус. патріархѣ Теофанѣ см. въ слѣдующ. примѣч.—На это свидѣтельство самихъ грековъ, и въ частности восточныхъ патріарховъ, о высотѣ русскаго православія сравнительно съ греческимъ неоднократно потомъ указывали раскольники въ своихъ челобитныхъ и др. сочиненіяхъ (см. Матеріалы для первонач. исторіи раскола, т. II, стр. 159, 169, 246 и др.).

¹⁾ *Каптеревъ Н.* Характеръ отношеній... стр. 158.—Особенно характерично съ этой стороны поведеніе Іерусалимск. патріарха Теофана, бывшаго въ Москвѣ въ 1619 г. Когда русскіе указывали ему и его спутникамъ на ихъ отступленія отъ русскаго порядка и благочинія при совершеніи богослуженія, то слышали отъ патріарха, въ отвѣтъ на свои замѣчанія, лишь такія смиренныя рѣчи: „то де учинилося спроста, а впредь де того не будетъ“; „Бога ради, указывайте намъ по своему, какъ де у васъ чинъ ведется, а я де радъ слушати“; „и я де стану дѣйствовать по вашему чину, а впредь де тово у меня не будетъ“, — и по словамъ современника — очевидца, сохранившаго намъ рассказъ объ этомъ, „они (т. е. патріархъ и его спутники—греки) въ томъ прощеніе получили, а ни въ чемъ не пререковали, потому что у нихъ, по греху, позакоснѣли отъ перваго преданнаго имъ чина“. А когда послѣ службы русскіе архіепастыри провозгласили греческаго патріарха до келліи, онъ обратился къ нимъ съ словами благодарности: „просвѣтили-де вы меня своимъ благочестіемъ, и напоили де жаждущую землю водою своего благочестиваго ученія, и на томъ де вамъ много челомъ бью“ (*Каптеревъ, Патріархъ Никонъ*,—Правосл. Обзор. 1887, янв., стр. 174—176). Весьма вѣроятно, что послѣднія слова были сказаны патріархомъ въ ироническомъ смыслѣ, какъ думаетъ проф. Каптеревъ; но совершенно справедливо и то его замѣчаніе, что русскими слова эти „были приняты за чистую монету, такъ что они вполнѣ были увѣрены, что имъ дѣйствительно приходится относительно церковнаго чина поучать самихъ восточныхъ патріарховъ“ (тамъ же, стр. 176).

сланье старца Филоея (XVI в.). „Старога убо Рима церкви падеся невѣріемъ аполлиаріевы ереси, — писалъ старецъ в. князю — втораго же Рима Константинова града церкви агаряне внуцы сѣкирами и оскордми разсѣкоша двери. Сія же нынѣ третьяго новаго Рима державнаго твоего царствія святая соборная апостольская церкви, иже въ концяхъ вселенныя въ православной христіанстѣй вѣрѣ во всей поднебеснѣй паче солнца свѣтитя. И да вѣсть твоя держава, благочестивый царю, яко вся царства православныя христіанскія вѣры снисдошася въ твое едино царство, единъ ты во всей поднебеснѣй христіаномъ царь... *Не преступай, царю, заповѣди, еже положиша твои прадѣды* великій Константинъ и блаженный Владимиръ и великій богиизбранный Ярославъ и прочіи блаженніи святіи, ихже корень и до тебе... Блюди и внемли, благочестивый царю, яко вся христіанская царства снисдошася въ твое едино, яко два Рима падоша, а третій стоитъ, а *четвертому не быти*; уже твое христіанское царство инѣмъ не останется“ ¹⁾. Ставши, такимъ образомъ, въ сознаниі русскихъ людей третьимъ Римомъ, верховною обладательницею чистаго православія, Москва принимала на себя предъ лицомъ всего міра весьма почетную, но и крайне отвѣтственную обязанность — хранить, какъ зеницу ока, свои православныя преданія, ограждая ихъ отъ зараженія всякимъ вѣтромъ ученія, идущимъ не только съ еретическаго Запада, но и отъ самихъ грековъ, у которыхъ вѣра стала не чужда латинскаго еретичества и кромѣ того — „испроказися махметовою прелестью отъ безбожныхъ турокъ“, вслѣдствіе чего нуждается не только въ покровительствѣ, какъ угнетенная, но и въ

¹⁾ Правосл. Собес. 1863 г., часть I, стр. 344—347. Мысль о Москвѣ, какъ третьемъ Римѣ и преемницѣ Константинополя въ религіозномъ и политическомъ отношеніи нашла себѣ выраженіе въ русскихъ легендахъ о царскихъ регаліяхъ (см. *Терновскаго Ф.* Изученіе Византійской исторіи и ея тенденціозное приложеніе въ древней Руси, вып. 2, стр. 155—156) и бѣломъ клубукѣ (см. Памятники старинной р. литературы, изд. гр. Г. Кушелевымъ-Безбородко подъ редакціею *Н. Костомарова*, вып. I, стр. 287—303; *Терновскаго* — назв. соч., стр. 171—174) и въ параллельныхъ имъ фактахъ соборнаго утвержденія царскаго вѣнчанія Ивана IV константинопольскимъ патріархомъ — и учрежденія патріаршества на Руси (объ этомъ — см. проф. *Каптерева* — Характеръ отношеній Россіи къ православному востоку, стр. 26—60).

нѣкоторомъ исправленіи по русскому образцу. При этомъ, согласно общему духу времени и характеру тогдашняго просвѣщенія, не полагалось существеннаго различія между предметами вѣры и подробностями внѣшняго обряда. Черта, отдѣляющая въ наше время догматъ отъ обряда, тогда еще не была проведена съ полною ясностію; по глубоко-вѣрному замѣчанію проф. А. С. Павлова, „Русь при Владимірѣ принимала и потомъ въ теченіе вѣковъ содержала христіанство, какъ одинъ цѣльный культъ, въ которомъ народный смыслъ еще не могъ различать внутренней и внѣшней стороны“, какъ существеннаго и несущественнаго для чистоты вѣры ¹⁾). Противопоставляя свое православіе другимъ исповѣданіямъ, напр. латинству, русскіе люди старыхъ временъ—и не одни только русскіе—обыкновенно перечисляли, какъ характеристическіе признаки православія, не только догма-

---

¹⁾ *Павловъ, А. С.* Критическіе опыты по исторіи древнѣйшей греко-русской полемики, стр. 4.—По ходячему мнѣнію, смѣшеніе безразличнаго обряда съ существеннымъ пунктомъ вѣроученія—съ догматомъ составляетъ своеобразную черту старорусскаго невѣжества, отличающую первыхъ расколоучителей и ихъ послѣдователей; но это несправедливо: неумѣнье отличить существенное отъ несущественнаго въ области церковно-религіозной мы встрѣчаемъ не у однихъ только первоучителей раскола и ихъ послѣдователей, но и у ихъ православныхъ противниковъ (напр. у самого патр. Никона, доказавшаго это ужъ тою ровностію и ви передъ тѣмъ не останавливающеюся энергіей, съ какою онъ повелъ борьбу противъ дуперстія и т. подобныхъ, признанныхъ теперь безразличными, особенностей русскаго богослужебнаго обряда), и даже у грековъ того времени, безъ сомнѣвія превосходившихъ русскихъ людей по своему богословскому развитію. Относительно грековъ, кромѣ тѣхъ проклятій, какія они изрекли на дуперстіе и другія подобныя особенности, какъ на еретичество (разумѣемъ случаи подобные разсказаннымъ у высокопреосв. Макарія въ Ист. русск. раск., стр. 168—170), укажемъ еще слѣд. фактъ. Извѣстный Паисій Лигаридъ, человекъ весьма образованный для своего времени и смотрѣвшій иногда даже б. м. ужъ слишкомъ свободно на церковныя предметы, въ своей запискѣ, представленной восточнымъ патріархамъ и содержавшей подробное изложеніе обвиненій противъ Никона, представляетъ послѣдняго „нововодителемъ, поколебавшимъ уставъ и древнее преданіе“. Основаніе для такого обвиненія указывалось въ томъ, что Никонъ замѣнилъ синія скрижали на мантии красными, ввелъ новые напѣвы, отмѣнилъ нѣкоторыя церковныя пѣсни, внутри алтаря предъ зеркаломъ разчесывалъ волосы, и т. под. (Проф. *Н. И. Субботинъ*, Дѣло патріарха Никона, стр. 137. М. 1862). Это—лишь наименѣе сильныя изъ тѣхъ основаній, по которымъ подобное же обвиненіе выставляли противъ Никона и первые раскольники.

тическія его особенности, но и всѣ отличія въ области обрядовъ и внѣшней церковной дисциплины, придавая всему этому совершенно одинаковое значеніе. При такомъ взглядѣ на содержаніе и объемъ признаковъ православія русскіе люди, принявшіе на себя роль его охранителей, должны были распространить свою охранительную заботливость не на одни только догматическія вѣрованія, но и на весь строй русской религіозно-церковной жизни, на всѣ ея стороны и проявленія. Всякое новшество, всякое отступленіе отъ религіозно-національныхъ, отеческихъ преданій — будетъ ли оно затрогивать основныя вѣрованія православія, или же только нѣкоторыя подробности богослужебнаго обряда и церковной дисциплины — было одинаково нежелательно по понятіямъ русскихъ людей XV—XVII в., потому что „неминуемая гибель русскаго царства, а вмѣстѣ гибель и всего православія видѣлась имъ во всякой пережѣнѣ, во всякомъ измѣненіи наслѣдованнаго отъ предковъ. И чѣмъ сильнѣе эта мысль овладѣвала умами русскихъ, тѣмъ строже и бдительнѣе они становились къ охранѣ того сокровища, которое служило залогомъ и ихъ вѣчнаго спасенія и залогомъ крѣпости, силы и процвѣтанія ихъ царства; тѣмъ все съ большею подозрительностью они стали относиться ко всякой попыткѣ что-либо измѣнить изъ своей старины, упрямо не хотѣли допускать у себя никакихъ нововведеній, особенно исходившихъ изъ стороннихъ, нерусскихъ вліяній и производимыхъ не русскими людьми, а приплецами“ ¹⁾).

Легко представить себѣ, какъ должны были отнестись люди, проникнутые такою глубокою увѣренностью въ своемъ православіи и такими воззрѣніями на современныхъ грековъ, къ дѣлу книжнаго и обрядоваго исправленія, выходящему изъ совершенно противоположныхъ началъ. Мы видѣли, что мысль о церковномъ исправленіи, занявшая Никона, какъ и все вообще преобразовательное движеніе XVII вѣка, пла къ намъ съ *латинскаго Запада*, а за образецъ при выполненіи этого исправленія были приняты *современные греки*. Съ точки зрѣнія людей старорусскаго

¹⁾ *Каптеревъ Н. О.* Характеръ отношеній Россіи къ правосл. востоку, стр. 17. Ср. вообще къ сказанному стр. 4—24 назв. изслѣдованія и стр. 61—74 статьи проф. *Голубинскаго* въ Богосл. Вѣстн. 1892 г., янв.

склада понятій это значило положить въ основу дѣла завѣдомо ложный принципъ и дать ему такую постановку, результатомъ которой будетъ не возстановленіе болѣе или менѣе измѣнившихся отъ невѣжества переписчиковъ и недосмотра книжныхъ справщиковъ древнихъ чиновъ и обрядовъ, а конечное разрушеніе православія, искаженіе чистой вѣры чрезъ внесеніе въ нее „пестрообразной прелести еретичества“. Разумѣется, подобный взглядъ былъ совершенно ложенъ по существу дѣла; но русскимъ людямъ, привыкшимъ считать себя учителями православія по отношенію къ грекамъ и поддержаннымъ въ этомъ мнѣніи самими греками, трудно было сразу перейти въ положеніе учениковъ¹⁾. Это значило зачеркнуть свое славное историческое прошлое, заклеить печатью рѣзкаго осужденія все то, что было въ немъ особенно свято и дорого, отказаться отъ права на самостоятельную жизнь, признать себя вѣчными малолѣтками, не могущими обходиться безъ грековъ и не имѣющими права думать и вѣровать иначе, чѣмъ греки: мысль крайне тяжелая и оскорбительная для національнаго чувства! ²⁾. Очевидно, что даже при самыхъ осто-

---

¹⁾ „Вселенстіи учителяе! — говорилъ прот. Аввакумъ на соборѣ восточнымъ патріархамъ: Римъ давно упалъ и лежитъ невосклонно, и ляхи съ нимъ же погибли, до конца враги быша христیانомъ. А и у васъ православніе пестро стало отъ насилія турскаго Махмета, — да и дивить на васъ нельзя: немощни есте стали. *И впрредь прѣзжайте къ намъ учителя: у насъ, Божією благодатію, самодержество*“... И патріарси задумались, — замѣчаетъ Аввакумъ (Матер. для ист. раск., т. V, стр. 78). Настроеніе русскихъ людей при разсматриваемыхъ обстоятельствахъ хорошо рисуется въ слѣд. рѣчахъ, которыя говорилъ черный попъ Григорій въ Соловецкомъ монастырѣ: „Прежде-де сего отъ Соловецкаго монастыря вся русская земля всякимъ благочестіемъ просвѣщалась, и ни подъ какимъ зазоромъ Соловецкій монастырь не бывалъ, яко столпъ, и утвержденіе, и свѣтило и свѣтъ сіялъ; *вы де нынѣ новой вѣрѣ отъ грековъ учитесь, а изъ де греческихъ властей къ намъ въ монастырь подъ началъ посылають*, и они де, греческіе власти, и креститись не умѣють, мы де ихъ и сами учимъ, какъ креститись; а мы де не хотимъ древняго преданія святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ и святыхъ чудотворцевъ Зосимы и Саватія нарушать, и во всемъ имъ послѣдуемъ“ (Матер. т. III, стр. 147).

²⁾ Именно это чувство оскорбленнаго религіозно-національнаго самосознанія слышится въ жалобѣ соловецкихъ старцевъ царю Алексѣю Михайловичу на то, что „новые учителя“, рабски слѣдуя въ исправленіи русскихъ богослужебныхъ книгъ греческимъ образцамъ, „тѣми греческими

рожныхъ попыткахъ такого рода исправленій, какія принималъ Никонъ, протестъ со стороны многихъ русскихъ людей, и притомъ весьма рѣшительный, былъ бы неизбѣженъ. Но Никонъ былъ вовсе не изъ числа тѣхъ, которые умѣютъ дѣйствовать осторожно... Онъ—по слишкомъ, быть можетъ, рѣзкому замѣчанію одного изслѣдователя раскола—„презиралъ народъ и его желанія не меньше, чѣмъ впоследствии Петръ“¹⁾, и это обстоятельство сообщило дѣлу

книгами православную нашу христіанскую вѣру истребили дотолика, будто и слѣдъ православія въ російскомъ царствіи до сего времени не именовался, и *учатъ* русскихъ людей „нынѣ *новой вѣры*, *якоже Мордву или Черемису*, невѣдущихъ Бога и истинные христіанскіе православные вѣры“. Исчисливши затѣмъ въ довольно подробной и искусно разсчитанной рѣчи обычныя доказательства того, что русская земля постоянно и „непоколебимо нѣ православныхъ догматѣхъ и церковныхъ исправленіихъ пребыла ваетъ“, превосходя въ этомъ отношеніи грековъ, изъ которыхъ „ни единыя лица своего перекрестити не умѣтъ“ и у которыхъ, по свидѣтельству самихъ восточныхъ патріарховъ, „православная вѣра отъ насилія поганыхъ турковъ до конца иссякла“, старцы совершенно послѣдовательно заключаютъ, что не пристало учить насъ новой вѣрѣ и странному своему ученію тѣмъ, „которые сами ничего не знаютъ и конечнаго исправленія въ православной вѣрѣ требуютъ“. Греческіе учителя, по мнѣнію челобитчиковъ, наѣхали въ русскую землю „не вѣры исправлять, а злата и сребра и нещей собирать и міръ истощать“. „А нынѣ, государь, видя вѣсно (извѣстно?) ихъ греческаго ученія въ православной нашей христіанствѣй вѣрѣ смятеніе и церквамъ Божиимъ неумиреніе и повсядневное премѣненіе, *многіе иноземцы намъ поспѣваютца и говорятъ, будто мы христіанскія вѣры по сю пору не знали*, а будетъ-де и знали, ино нынѣ заблудили, и о томъ что де ваша вѣра и нынѣ книги всѣ перемѣнены по новому, и съ прежними вашими книгами, кой при прежнихъ царехъ были, нынѣшніе книги ни въ чемъ не сходятца. *И намъ, государь, противъ ихъ ругательства отвѣту дать нечего*, потому что они видятъ наше непостоянство, поносятъ насъ дѣломъ“. (Матер. для ист. раск., т. III, стр. 245—255).

1) *Мелниковъ II*. Историч. очерки поповщины, стр. 14. М. 1864.—Твердая воля и непреклонный характеръ Никона слишкомъ хорошо извѣстны, чтобы о нихъ нужно было еще распространяться. Эти то личныя качества и были второстепенными причинами, которыя, дѣйствуя на ряду съ другими—главными, придали дѣлу исправленія столь роковой исходъ. Слишкомъ непреклонный въ своихъ замѣреніяхъ и слишкомъ увѣренный въ себѣ и въ правотѣ своего дѣла, Никонъ не соображался съ препятствіями и въ практическомъ осуществленіи своей мысли дѣйствовалъ не всегда осторожно. Свою неосторожность онъ обнаружилъ уже въ замѣнѣ прежнихъ (іосифовскаго времени) справщиковъ, оказавшихся непригодными для предначертаннаго дѣла, новыми, несомнѣнно болѣе образованными, но людьми съ болѣе чѣмъ беззупречнымъ прошлымъ и болѣе чѣмъ сомнительною

предпринятаго имъ церковнаго исправленія въ глазахъ поборниковъ отечественной старины тотъ же самый характеръ насильственной ломки и передѣлки старорусскихъ *церковныхъ* порядковъ на иноземный ладъ, какимъ отличается петровская реформа старорусскаго *государственнаго* порядка и быта.

При первомъ же извѣстїи объ этомъ исправленїи страхъ за дорогую русскому сердцу старину охватилъ ея почитателей,—и протестъ не замедлилъ обнаружиться. Протопопъ Аввакумъ въ мѣткихъ словахъ обрисовываетъ намъ то душевное настроенїе, которое овладѣло имъ и его единомышленниками, когда была прочитана, на первой недѣлѣ Вел. поста 1653 г., изданная Никономъ „память“ о поклонахъ: „Мы же задумались, сошедшеся между собою, — говоритъ Аввакумъ: видимъ, яко зима хоцетъ быти: сердце озябло и ноги задрожали“¹⁾. Намъ вполнѣ понятенъ станетъ этотъ

твердостію въ православіи (каковы, напр., Арсеній Грекъ, о которомъ см. *Каптерева*—Характеръ отношенїй, стр. 207—217, *его же*—Слѣдств. дѣло объ Арсенїѣ грекѣ и ссылка его въ Соловецкій монастырь,—ст. въ Чт. въ О. Л. Д. Пр. 1881 г. июль, стр. 81—88 и *Терновскаго*—цит. соч., вып. 2, стр. 83—87), что при исправленїи св. книгъ русскимъ людямъ весьма естественно представлялось обстоятельствомъ далеко не безразличнымъ. Равнымъ образомъ, не всякій рѣшился бы на такое рѣзкое порицанїе и отрицанїе книгъ и обрядовъ, существовавшихъ при прежнихъ патріархахъ, на какое рѣшился Никонъ: ве трудно было предвидѣть, что преслѣдованїе того, что узаконялось и чтилось за немного лѣтъ предъ тѣмъ, неизбежно произведетъ сильное потрясенїе въ обществѣ и поведетъ къ подрыву авторитета церковной власти. „Человѣкъ съ обыкновенною волею и не слишкомъ твердымъ характеромъ, предвидя это потрясенїе, едва-ли рѣшился бы настойчиво возстать противъ совершеннаго при его предшественникѣ, хотя бы и видѣлъ всѣ сдѣланныя ошибки“ (*Андреевъ*, Расколъ и его значенїе, стр. 43).

¹⁾ Матерїалы для первонач. ист. раск., изд. *Н. И. Субботинимъ*, т. V, стр. 18. Еще ранѣе, чѣмъ былъ заявленъ протестъ Аввакумомъ и др., Никонъ встрѣтилъ оппозицію своему дѣлу на московскомъ печатномъ дворѣ, въ лицѣ справщиковъ старцевъ Юсифа (Ивана Насѣдки) и Савватїя, правившихъ квиги и при п. Юсифѣ. Указанныя лица могли не мало содѣйствовать возбужденїю недовольства Никономъ и его дѣломъ въ московскомъ духовенствѣ; но самъ по себѣ ихъ протестъ не имѣлъ значенїя, такъ какъ въ самомъ началѣ его, въ ноябрѣ 1652 г., названные справщики были удалены съ печатнаго двора и тогда же отправлены въ строгое заключенїе (см. ст. пр. *Николаевскаго*—Моск. печатн. дворъ при п. Никонѣ, Хр. Чт. 1891 г., июль—авг., стр. 162).

холодъ душевный и внутренняя дрожь, охватившіе русскихъ людей,—когда мы представимъ себѣ тотъ рядъ скорбныхъ чувствъ и опасеній, какія должны были зародиться въ нихъ при видѣ того, какъ преданія старины, завѣты предковъ начинаютъ разрушаться рукою патріарха, подпавшаго вліянію чужеземныхъ пришельцевъ, льстивыхъ гречанъ, людей—какъ были поводы думать—сомнительнаго православія и еще болѣе сомнительной святости ¹⁾. „Гдѣ правда? Чему вѣрить? Старымъ ли святымъ богومудрымъ мужемъ, или нынѣшнимъ пьянымъ философомъ, иже чреву своему служатъ день и ночь, и сію мудрость отъ римскихъ богомерзкихъ книгъ пріяша?“—вотъ вопросъ, какой задали себѣ русскіе люди стараго склада понятій, и—разумѣется—не долго колебались надъ отвѣтомъ. „Не буди намъ новому баснословію внимати и оставя истину — лжи послѣдовати!“ ²⁾. Составлена была выписка о сложеніи персть и о поклонахъ и подана царю; выписка осталась безъ послѣдствій: быть можетъ, она была передана Никону (какъ думали расколотучители), но—конечно—не могла заставить его остановить дѣло, разъ начатое. Едва-ли и сами противники этого дѣла, зная патріарха, могли разсчитывать на какія-нибудь уступки съ его стороны; но за то и съ своей стороны они вовсе не были расположены къ уступкамъ: можетъ ли быть рѣчь о нихъ, когда дѣло идетъ о чистотѣ вѣры Христовой, о судьбѣ всего православія? ³⁾. Придется, можетъ быть, подвергнуться осужденію и анаемѣ отъ патріарха,—но какую силу можетъ имѣть „шпынская“ клятва, налагаемая за неизмѣнную вѣрность преданію св. отецъ русскихъ и греческихъ? ⁴⁾. Придется потерпѣть и „тѣлесное озлобленіе“ за

¹⁾ Матер. для ист. раск., т. V, стр. 137—138; т. VI, стр. 321; т. III, стр. 273.

²⁾ Матер. т. VI, стр. 287.

³⁾ „Больно-су намъ, — вырывается горячая жалоба у Аввакума: мать нашу ограбили святую церковь, да еще бы мы жъ молчали! Не умолчию-су и по смерти своей вашему воровству. Отдайте матери нашей имѣніе все... А то малое ли дѣло: всю невѣсту Христову разорили, римляне — воры..., разорили зѣло и обезчестили“ (Матер. т. V, стр. 368).

⁴⁾ Церковная аваеема, на первыхъ же порахъ употребленная какъ средство для того, чтобы сломить упорство противниковъ исправленія, въ дѣйствительности оказалась не достигающею своей цѣли. „А что вы насъ клянете съ дьяволомъ своимъ,—съ обычною рѣзкостью писалъ впослед-

неповиновеніе патріаршему указу, — но развѣ не сладко пострадать за святое дѣло, развѣ не заманчиво — стать „съ мученики въ чинъ, со апостолы въ полкъ, со святители въ ликъ?“¹⁾ И возбужденное воображеніе подкрѣпляетъ себя фантастическимъ видѣніемъ и таинственнымъ голосомъ отъ иконы: „приспѣ время страданія; подобаесть вамъ неослабно страдати“. Страданія не заставили себя ждать: Никонъ не задумался передъ первыми встрѣтившимися препятствіями и, опираясь на свою безпримѣрную власть и вліяніе, хотѣлъ силой сломить начинающійся протестъ. И вотъ начинается длинный рядъ административныхъ каръ, публичныхъ опозориваній, ссылокъ въ отдаленные монастыри и дикую Даурію²⁾, — всѣ эти суровыя мѣропріятія, возбуждавшія глубокую личную ненависть къ патріарху, принявшему на себя „мучительскій образъ“, а его противниковъ окружившіе ореоломъ исповѣдничества и мученичества — несомнѣннымъ въ глазахъ народныхъ массъ доказательствомъ правоты защищаемаго ими дѣла...

Мы остановимся на этомъ моментѣ борьбы двухъ направлений и попробуемъ подвести итоги сказанному. — Если принять во вниманіе съ одной стороны — тотъ складъ понятій и убѣжденій, какимъ отличались противники дѣла Никона, съ другой — тѣ средства и приемы, какими повелъ патріархъ свое дѣло и къ какимъ на первыхъ же порахъ обратился

стнѣи по адресу „никонианъ“ Аввакумъ — и мы тому смѣемся. И робенокъ разсмѣется вашему безумію. Коля насъ за старину святую проклипати, ино и отецъ вамъ, и матерей подобаесть своихъ проклипати, въ нашей вѣрѣ измершихъ“ (Матер. т. V, стр. 188). Еще рѣшительнѣе раскрываетъ ту же мысль дьяконъ Ѳеодоръ: „Аще мы прокляты отъ сонмища ихъ (никонианъ) лукаваго, то убо и вси святіи отцы наши, русетіи свѣтилицы, благочестивіи князи и царіе, и святѣйшіи патріархи, и митрополиты, и архіепископы, въ шести стахъ и семидесяти лѣтѣхъ бывшіи отъ крещенія владимерова, и вси православніи христіане тогдашніи прокляты суть отъ нынѣшняго собора Никонова. И аще они святіи отцы русетіи прокляты отъ никонианъ, то убо и гречестіи святіи отцы древніи прокляты суть, отъ нихже пріяша наши отцы святую вѣру петинную вскорѣ по совершеніи седмаго собора, и старыя непорочныя книги безъ всякаго примѣса еретическихъ духовъ, и самое исполненіе благочестія. И аще прокляты отъ никонианъ тогда сущіи православніи пастыріе гречестіи, то убо прокляты суть отъ нихъ и святыя вселенскія соборы...“ (Матер. т. VI, стр. 207—208).

¹⁾ Матер. для ист. раск., т. V, стр. 207.

²⁾ Матер. для ист. раск. т. I, стр. 20—26; т. V, стр. 18 и сл.

для его защиты,—то намъ не зачѣмъ будетъ обращаться къ предположенію какихъ бы то ни было мотивовъ личной вражды къ Никону, какъ *первоначальной* причины протеста противъ его дѣла. Не вражда къ личности вызвала протестъ противъ исправленій, а наоборотъ—протестъ противъ разрушенія дорогихъ преданій народной старины вызвалъ вражду къ личности и создалъ личную борьбу. Равнымъ образомъ, намъ не за чѣмъ будетъ искать постороннихъ, нецерковныхъ причинъ народнаго протеста, пользующихся обрядовыми разностями только какъ внѣшнимъ предлогомъ и прикрытіемъ: для насъ и безъ того станетъ понятно, почему многіе русскіе люди готовы были умереть за единую букву „азъ“ въ святыхъ книгахъ, преданную отцами,—лишь бы не допустить ея измѣненія ради подражанія грекамъ. Связь церковнаго раскола, появившагося при Никонѣ, съ земскимъ и политическимъ протестомъ раскольниковъ — стрѣльцовъ при Петрѣ и послѣ него станетъ вполне понятна, если мы будемъ смотрѣть на нихъ, какъ на *двѣ стороны одного и того же явленія*. Наконецъ, мы будемъ въ состояніи опредѣлить и оцѣнить по достоинству дѣйствительную роль многопоруганнаго русскаго „невѣжества“, придавашаго ряду безразличныхъ церковно-обрядовыхъ мелочей значеніе „великихъ догматовъ“, необходимыхъ для чистоты православія и не подлежащихъ перемѣнѣ. Мученикъ раскола былъ жалокъ, умирая изъ-за недоразумѣнія, порожденнаго его неумѣнемъ различать существенное и неизмѣнное въ вопросахъ вѣры отъ измѣнчиваго и случайнаго; но это неумѣнье онъ раздѣлялъ, какъ мы видѣли, съ своими православными современниками и во всякомъ случаѣ—умирилъ не какъ фанатикъ безсмысленнаго буквализма, а какъ защитникъ неизмѣнности отеческаго преданія, покушеніе на которое видѣлось ему за простою перемѣною буквъ и словъ ¹⁾. Вотъ эта-то защита неизмѣнности русской церковной жизни въ ея исторически сложившихся формахъ,—защита, конечно, неумѣлая по своимъ приѣмамъ и несправедливая по существу (такъ какъ она, въ концѣ концовъ, привела къ предпочтенію мѣстнаго преданія голосу Церкви вселенской)—

¹⁾ Матер. для ист. раск., т. VI, стр. 12 и 189.

и составляетъ, по нашему мнѣнію, *сущность* русскаго раскола старообрядства. Расколъ есть протестъ религіозно-національнаго самосознанія извѣстной части русскаго народа противъ попытки подчинить его стороннему авторитету въ то время, когда—по мнѣнію русскихъ людей—религіозный бытъ ихъ достаточно сложился и окрѣпъ для того, чтобы громко заявить свои права на самостоятельность. Этотъ протестъ возникъ и выразился открыто, какъ только старорусскій укладъ мыслей пришелъ въ столкновение съ инымъ теченіемъ, возникшимъ у насъ послѣ сближенія съ учеными иноземцами — греками и малороссами: здѣсь коренная *причина* появленія у насъ старообрядческаго раскола. Не будь этого другого теченія, раскола бы не было, но за то, быть можетъ, русская жизнь, отдѣленная своего рода китайскою стѣною отъ иноземныхъ вліяній, никогда не достигла бы тѣхъ успѣховъ въ расширеніи умственнаго кругозора и въ устройствѣ внѣшняго быта, какіе оказались возможны для нея благодаря тому, что она была выведена изъ своей національной исключительности и вступила въ живыя отношенія съ просвѣщеннымъ Западомъ.

Таковы окончательные выводы нашихъ изысканій въ области даннаго вопроса.—Принимая изложенный взглядъ на сущность и причины старообрядческаго раскола, мы должны, конечно, разъ навсегда отказаться отъ старой привычки нашихъ историковъ—полемистовъ одерживать легкія, но невѣрныя побѣды надъ расколомъ при помощи заявлений, что онъ есть плодъ крайняго невѣжества, личной злобы и недобросовѣстности. Но это не должно и не можетъ—какъ намъ кажется—служить основаніемъ для какихъ-либо предубѣжденій противъ принятаго нами взгляда съ точки зрѣнія дѣйствительныхъ интересовъ противораскольнической полемики. О такихъ побѣдахъ, какія сейчасъ упомянуты, могутъ жалѣть только тѣ, кто не вѣрятъ въ возможность иныхъ побѣдъ надъ расколомъ, болѣе прочныхъ и вѣрныхъ. Важны же, конечно, только эти послѣднія, — но онѣ готовятся не разсужденіями о совершенномъ ничтожествѣ противника, а вѣрнымъ знаніемъ его дѣйствительныхъ силъ.

Намъ кажется, что уже прошли тѣ времена, когда было позволительно считать обязанностью изслѣдователя — изображать расколь рѣшительно во всѣхъ пунктахъ „обличаемый своею исторіей“ и всю задачу изысканій сводить къ тому, чтобы указать въ немъ какъ можно больше темныхъ пятенъ и слабыхъ сторонъ и какъ можно меньше здраваго смысла, — и теперь едва-ли можно спорить противъ того, что *полемика* противъ раскола есть одно, а *исторія* (въ смыслѣ историческаго изученія) раскола — нѣчто иное, разумѣется, не противоположное первой, но и не тождественное съ ней. Рассматриваемый въ отношеніи къ православно-догматическому ученію, церковно-богослужебной практикѣ и каноническимъ основоположеніямъ, расколь представляетъ не мало различныхъ заблужденій, недоразумѣній, церковныхъ правонарушеній, обличеніе которыхъ представляетъ обильнѣйшій матеріалъ для противораскольнической полемики, — настолько обильный, что въ дополненіе къ нему вовсе не нужно сознательно замалчивать или односторонне-тенденціозно освѣщать историческіе факты. Въ виду этого историкъ раскола съ спокойною совѣстью можетъ изучать его точно такъ же, какъ и всякое другое историческое явленіе, отмѣчая въ немъ не только проявленіе темныхъ силъ русской исторіи, но и нѣкоторыхъ свѣтлыхъ сторонъ русской народной души...

И. Громогласовъ.
